

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111.01
doi 10.17072/2037-6681-2018-4-97-102

ПОЭТИКА И ПОЭТОЛОГИЯ: «ТОМАС БЕРНХАРД И МОДЕРНИСТСКИЙ МЕТАРОМАН»

Нина Станиславна Бочкарева

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bochk@psu.ru

SPIN-код: 5691-5020

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

ResearcherID: P-2300-2016

Статья поступила в редакцию 15.08.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бочкарева Н. С. Поэтика и поэтология: «Томас Бернхард и модернистский метароман» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 97–102. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-97-102

Please cite this article in English as:

Bochkareva N. S. Poetika i poetologiya: «Tomas Bernkhard i modernistskiy metaroman» [Poetics and Poetology: 'Thomas Bernhard and the Modernist Metanovel']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 97–102. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-97-102 (In Russ.)

В рецензии на монографию В. В. Котелевской «Томас Бернхард и модернистский метароман» (2018) поднимаются теоретические проблемы отношений поэтики и поэтологии, метаизации и метаромана, несовпадения авторской и критической терминологии. Книга Котелевской вписывается в контекст российских исследований метапрозы (О. С. Мирошниченко), метаромана (В. Б. Зусева-Озкан) и романа о романе (И. В. Сулова), а также исследований прозы Т. Бернхарда российскими германистами (Д. В. Затонский, Н. С. Павлова, А. В. Белобратов, С. П. Ташкенов, С. Ю. Новикова). Экспериментальная структура научного (поэтологического) трактата сопоставляется с экспериментальным характером объекта исследования – метароманов Бернхарда, в которых поэтика «замещается» поэтологией. В частности, отмечается, что монография Котелевской тоже подверглась «метаизации», которая в произведениях Бернхарда выражается в редукции мимесиса в пользу творческой саморефлексии, а в книге Котелевской – в редукции описательной поэтики в пользу теоретических рассуждений и обобщений, литературно-философского контекста и интертекста. Обобщающие и конкретизирующие части работы меняются местами, границы между ними проблематизируются. Логика описания объекта (творчества Бернхарда) внешне нарушается, но во внутренней логике монографии прослеживается движение от музыки («Бетон», 1982) к архитектуре («Корректур», 1975), от содержания к форме, от «мысли-темы» к ее выражению и обратно. В центре внимания исследователя оказывается раннее произведение «Амрас» (1964), которому сам автор придавал особое значение. В монографии его анализ занимает полсотни страниц и соединяет роман «Стужа» (1963) с последним произведением «Изничтожение: Распад» (1986). Через акцентирование романтической традиции обосновывается жанровая специфика «романа» и «фрагмента», а также использование термина «роман» применительно к большинству произведений, хотя ни сам Бернхард, ни его герои так свои произведения не называют.

Ключевые слова: поэтика; поэтология; метароман; австрийская литература; Томас Бернхард.

Н. С. Лейтес в учебном пособии «Черты поэтики немецкой литературы нового времени», сравнивая разные употребления термина «поэтика» («наука, изучающая художественную специфику литературы, и сама эта специфика»; нормативная, описательная, историческая, структурная поэтики), дает определение, актуальное для системного изучения литературы. Под поэтикой она понимает «особенности поэтического видения мира, складывающиеся в целостную систему образных представлений и способов их выражения» [Лейтес 1980: 4]. Для современного литературоведения актуальным становится тоже по-разному употребляемый термин «поэтология», в частности, понимаемый как «процессы и закономерности генерирования, компоновки и рецепции художественного текста, но, кроме того, работа художественного сознания, структуры воображаемого, взаимоотношения творящего и исторически-бытового – (авто)биографического – Я» [Котелевская 2018: 105]. Настойчиво возвращаясь от постмодернизма к модернизму, исследователи с разных сторон анализируют процесс «метаизации» поэтики в «радикальных экспериментах» XX столетия, где поэтика «замещается» поэтологией.

Подчеркнуто экспериментальный характер поэтики австрийского «классика» второй половины XX в. Томаса Бернхарда с разных сторон привлекал внимание российских германистов. Д. В. Затонский анализировал «смещенный» («по отношению к миру эмпирическому»), «замкнутый» (в границах, устанавливаемых «зрению, воображению, духу»), «рассказываемый» («не изображаемый, не показываемый») художественный мир произведений писателя [Затонский 1985: 369–401]. Н. С. Павлова исследовала «память жанра», «неканонические “смешанные” жанровые формы, отвечавшие “смешавшейся” реальности», структуру и функции анекдота, поношения, исповеди, притчи: «Если традиция анекдота помогала Бернхарду обнажить нелепость ситуации героя, если техника поношения служила расщеплению реальности и мнимости, то в исповеди расщеплению подлежит душа человека» [Павлова 2005: 294]. С. П. Ташкенов сосредоточил внимание на кризисе языка и коммуникации, преодолеваемом в творчестве Бернхарда через внутренний диалогизм монологической речи: «Его высказывание по своей тактике является провокативным, в то время как сама стратегия – инспиративной, так как побуждает читателя как реципиента к ответному слову, к реакции, возражению, опровержению» [Ташкенов 2009: 23]. А. В. Белобратов, комментируя подборку разножанровых произведений Бернхарда на русском языке, обозначил объединяющую их «про-

блему творчества, самой возможности сотворения искусства в современном мире, его “производства” в ситуации, когда уже все “произведено” и “производителю искусства” остается лишь удел имитаторства, подражания, копирования» [Белобратов 2010: 9].

Монография филолога-германиста и поэтессы В. В. Котелевской «Томас Бернхард и модернистский метароман» (2018), продолжая традицию российских и зарубежных исследователей, обнаружила еще один ракурс изучения творчества австрийского писателя. В центре внимания ученого – как поэтика, так и поэтология модернистского метаромана, поздним вариантом которого она считает произведения Бернхарда. Работа Котелевской не случайно вошла в десяток книг, которые представил журнал «Новый мир» [Ларионов 2018]. Даже не зная, что ее автор – создатель нескольких поэтических книг, с самого начала сталкиваешься с образным и насыщенным языком этого научного трактата. Посвященная творчеству писателя-интеллектуала и актуальной литературно-философской проблематике, книга Котелевской читается как оригинальный и увлекательный поэтологический текст.

Особого внимания заслуживает экспериментальная композиция монографии. Она тоже подверглась «метаизации», которая в произведениях Бернхарда выражается в редукции мимесиса в пользу творческой саморефлексии, а в книге Котелевской – в редукции описательной поэтики (в одном из значений поэтики как науки) в пользу теоретических рассуждений и обобщений, литературно-философского контекста и интертекста. Последовательное движение мысли ученого от философии языка (вторая глава) к поэтологии (третья глава), а затем к архитектонике и композиции (четвертая глава) разносторонне и глубоко раскрывает метапоэтику исследуемых произведений австрийского писателя в «типичной для Бернхарда манере долгого кружения вокруг одного образа или одной мысли, с постепенным выявлением всех его аспектов» [Баскакова 2003: 202]. Поэтому читателю приходится самому «деконструировать» обозначенный в кратком вступлении творческий путь писателя по указаниям года создания произведений.

«Разрушение» традиционной исследовательской схемы наиболее отчетливо проявилось в первой и пятой главах монографии, которые выполняют функцию введения и заключения, но посвящены отдельным романам («Бетон» и «Корректур»), т. е. обобщающие и конкретизирующие части работы меняются местами, границы между ними проблематизируются. Более того, в первой главе рассматривается «Бетон» (1982) и «проблема абсолютного текста», а в по-

следней – более ранний текст «Корректур» (1975) и движение «от абсолютного текста к экзистенциальному проекту». В результате логика описания объекта (творчества Бернхарда) внешне нарушается, но во внутренней логике монографии (в том числе на интермедиальном, или трансмедиальном, уровне) прослеживается движение от метафоры музыки (герой «Бетона» безуспешно пытается написать книгу о композиторе) к метафоре архитектуры (герой «Корректур» построил дом-конус, но его проект оказался утопическим), от содержания к форме, от «мысли-темы» к ее выражению и обратно.

Монография Котелевской, с одной стороны, продолжает и обобщает многолетние зарубежные и отечественные исследования метапрозы (в ней с новой точки зрения отрефлексированы уже известные и самые последние философские, литературные и критические материалы). С другой стороны, она вновь вызывает вопросы о соотношении понятий «метатекст», «метапроза», «метароман», «роман о романе» («роман романа») и другие, дискутируемые в российских работах начала XXI столетия [Мирошниченко 2001; Бочкарева, Сулова 2010, 2011; Зусева-Озкан 2012]. О. С. Мирошниченко одним из ведущих вариантов модернистской метапрозы считает «самопорождающий» роман («the self-begetting novel» [Kellman 1980]), т.е. «роман о становлении героя, созревающего до написания именно данного романа» [Мирошниченко 2001: 13]. Она проводит границу между «саморефлексивным» (замкнутым на своей структуре) и «самосознающим» текстом, «в котором сам акт рассказывания обязательно тематизирован и прокомментирован» [там же: 9]. Для французской и русской традиции мы считаем актуальным и выражающим литературное самосознание субжанр «романа о романе», сущностной особенностью которого является его «исключительная сосредоточенность на проблемах романа и романного творчества» [Бочкарева, Сулова 2010: 5]. В. Б. Зусева-Озкан предпочитает термин «метароман», который характеризуется двуплановой структурой («роман героев» и «роман романа»), причем субъект и объект рефлексии должны совпадать (обсуждается то самое произведение, частью которого это обсуждение является) [Зусева-Озкан 2012: 35].

Однако ни Бернхард, ни его пишущие герои свои тексты «романами» не называют. Возникает вопрос о несовпадении литературоведческой рефлексии с авторской и о различии литературоведческой терминологии в разных странах. Выбор того или иного термина и его перевод на русский язык зависит не только от материала исследования, но и от научной школы, и от концепции исследователя. Например, в англоязыч-

ном дискурсе преимущественное использование термина «metafiction» связано не только с разным объемом произведений, но и с традиционным противопоставлением «novel» и «romance», и с проблематизацией границ между «history» и «story». Предисловие к своему последнему произведению «To the Hermitage» М. Брэдбери начинается с признания: «This is (I suppose) a story. It draws a great deal on history...» [Bradbury 2001: XXI], – «подчеркивая проблематичность жанровой природы своей прозы и ее автотематический характер» [Скубачевска-Пневска 2015: 154]. Польская исследовательница считает, что русская переводчица верно перевела английское «story» как «роман», а не «историю» или «рассказ»: «В русской исследовательской традиции, особенно бахтинской, именно с романом связаны значения и ценности, представляемые фигурой рассказчика от первого лица, в котором Дэвид Лодж, друг и сотрудник Брэдбери, узнал его насмешливый “Shandean self-portrait”» [Скубачевска-Пневска 2015: 154].

Все российские исследователи определяют художественную прозу Бернхарда в терминах «роман», «повесть», «рассказ». Примечательно, что Д. В. Затонский и Н. С. Павлова ранее произведение «Амрас» (1964) называют «повестью», а В. В. Котелевская, ставя этот текст в центр своего исследования, определяет его как «роман» и «метароман». Третий параграф четвертой главы «“Амрас”: книга “обо Всем целокупно возможным” (испытание идеи)» занимает полсотни страниц и соединяет ранний роман «Стужа» (1963) с последним романом «Изничтожение: Распад» (1986), в котором «любимейший» самим писателем роман «Амрас» (наряду с произведениями Жан-Поля, Ф. Кафки, Р. Музиля и Г. Броха) вводится в «литературный канон – рекомендательный список для юного итальянца Гамбетти, изучающего немецкую словесность» [Котелевская 2018: 283]. Таким образом, «Книга обо Всем», которую вынашивал герой «Амраса», все-таки состоялась, став литературным «завещанием» Томаса Бернхарда [там же], а позиции немецкой и итальянской литературы в XX столетии сместились, ведь на рубеже XVIII–XIX вв. юные немцы учились у великих итальянцев.

В романе «Амрас», по словам Котелевской, «Бернхард развивает тот тип метаромана, который был создан в немецкоязычной литературе Жан-Полем: сюжетные перипетии обыграны в двойном регистре – как онтология персонажей и как *поэтологические метафоры*, шифры, указывающие на правила конструирования данного и всякого романа» (выделено автором. – Н. С.) [Котелевская 2018: 281]. Исследовательница акцентирует в этом произведении Бернхарда

немецкую романтическую традицию: «Во-первых, это вводимый интертекстом (Новалис, Шлегель, Жан-Поль) романтический взгляд на освещаемые здесь феномены (болезнь, искусство, познание, природа, жизнь и смерть, фрагмент и целое, поэзия и философия, индивид и письмо, автор и роман, двойничество) <...> В-третьих, регулярно настраиваемые над фикцией метатексты создают ироническую – в шлегелевском смысле – дистанцию по отношению к изображаемому...» [Котелевская 2018: 234–235]. В этом контексте актуализируется и «преобладающее значение» романа в художественной программе немецких романтиков: «Роман – поприще свободы, и для героев его, и для автора, а через свободу он дает выходы в странные, непривычные творческие миры» [Берковский 1973: 101]. И новелла у романтиков «тяготеет в сторону маленького романа» [там же: 133].

В сложной структуре «Амраса» романная свобода «ограничивается» поэтикой фрагмента: «Фрагмент, словно маленькое произведение искусства, должен совершенно обособляться от окружающего мира и замыкаться в себе» [Шлегель 1983: 300]. Котелевская подробно анализирует роман «с точки зрения структурирования и концептуализации фрагментов сюжетного, метафигурального и интертекстуального уровней» (выделено автором. – Н. С.) [Котелевская 2018: 247]. Фрагментарность реализуется в романе как на композиционном (эксплицитном), так и на архитектурном (имплицитном) уровнях. Три сюжетно-композиционных блока разбиваются вставными текстами (письма К. М., фрагменты из «Философского дневника» Леонардо да Винчи, тексты Вальтера). Кроме того, Котелевская на разных уровнях поэтики романа анализирует интертекст из «Фрагментов» Новалиса, откуда Бернхард берет эпиграф к своему произведению.

Романы Бернхарда включаются в широкий контекст европейского модернизма (точнее – этот контекст включается в процесс постижения произведений австрийского писателя). Так, в одном из параграфов второй главы прослеживается немецкоязычная философская и литературная традиция лингвистического скептицизма (Ф. Ницше, Г. фон Гофмансталь, Ф. Маутнер, К. Краус, П. Хандке), помогающая понять критику языка у Бернхарда и модернистов, а в разных параграфах третьей главы дается анализ произведений Р. М. Рильке, Р. Вальзера, Х. Х. Янна, М. Фриша, П. Хандке и Бернхарда. Здесь же и в других главах для исследования поэтики и поэтологии модернистского метаромана часто используются произведения французских (М. Пруст, А. Жид, П. Валери и др.), английских (В. Вулф, Дж. Джойс) и португальского (Ф. Пессоа) писателей.

Таким образом, в структуре монографии Котелевской отразилась «художественно-генеративная» модель автобиографической прозы Бернхарда «всё во мне» [Белобратов 2006: 572]. Мета- и автофикциональные дискурсы в его творчестве тесно связаны, хотя исследователи справедливо акцентируют внимание на разных текстах [Котелевская 2018; Новикова 2018]. Устойчивый интерес с 1980-х гг. российских переводчиков и литературоведов к произведениям австрийского писателя не исчерпывает, а постоянно открывает новые возможности. Книга Котелевской особенно продуктивна и в этом отношении, так как обозначает множество историко-литературных и историко-культурных параллелей, а также обнаруживает проблемы теоретического характера (поэтика и поэтология, метапоэтика и метароман, метажанр и субжанр и др.).

Список литературы

- Баскакова Т. Послесловие // Бернхард Т. Племник Витгенштейна. История одной дружбы / пер. и послесл. Т. Баскаковой // Иностранная литература. 2003. № 2. С. 144–203.
- Белобратов А. Томас Бернхард: двадцать лет спустя // Иностранная литература. 2010. № 2. С. 4–10.
- Белобратов А. В. Томас Бернхард: постижение // Бернхард Т. Все во мне...: Автобиография. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. С. 558–574.
- Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973. 568 с.
- Бочкарева Н. С., Сулова И. В. История французской литературы: роман о романе на рубеже XX–XXI веков: учеб. пособие. Пермь, 2011. 128 с.
- Бочкарева Н. С., Сулова И. В. Роман о романе: Преодоление кризиса жанра (на материале русской и французской литератур 20-х годов XX века) / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 148 с.
- Затонский Д. В. Томас Бернхард // Затонский Д. В. Австрийская литература в XX столетии. М.: Худож. лит., 1985. С. 369–401.
- Зусева-Озкан В. Б. Поэтика метаромана: «Дар» В. Набокова и «Фальшивомонетки» А. Жида в контексте литературной традиции. М.: РГГУ, 2012. 232 с.
- Котелевская В. В. Томас Бернхард и модернистский метароман. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та, 2018. 352 с.
- Ларионов Д. Книжная полка Дениса Ларионова: обзор // Новый мир. 2018. № 8. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_8/Content/Publication6_6990/Default.aspx (дата обращения: 05.10.2018).
- Мирошниченко О. С. Поэтика современной метапрозы (на материале романов Андрея Битова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 25 с.

Новикова С. Ю. Автобиографическая проза Томаса Бернхарда: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 24 с.

Павлова Н. С. Реальность и жанр у Бернхарда // Павлова Н. С. Природа реальности в австрийской литературе. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 268–297.

Скубачевска-Пневска А. «Книги рожают книги». «В Эрмитаж!» Малькольма Бредбери как роман-матрешка // Диалог согласия: сб. науч. ст. к 70-летию В. И. Тютю / под ред. О. В. Федунинной, Ю. Л. Троицкого. М.: Intrada, 2015. С. 154–162.

Ташкеннов С. П. Проза Томаса Бернхарда: кризис языка и проблема диалогического слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.

Шлегель Ф. Фрагменты // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. / вступ. ст., сост., пер. с нем. Ю. Н. Попова. М.: Искусство, 1983. Т. 1. С. 290–316.

Bradbury M. To the Hermitage. L., Basingstoke and Oxford: Picador, 2001. XXXIII p. 498 p.

Kellman S. G. The Self-Begetting Novel. L.; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd, 1980. X p. 161 p.

References

Baskakova T. Posleslovie [Afterword]. Bernhard T. Plemyanik Vitgenshteina. Istoriya odnoy družby [Bernhard Th. Wittgenstein's nephew. A friendship]. Transl., afterword by T. Baskakova. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2003, issue 2, pp. 144–203. (In Russ.)

Belobratov A. V. Tomas Bernhard: dvadtsat' let spustya [Thomas Bernhard: twenty years later]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2010, issue 2, pp. 4–10 (In Russ.)

Belobratov A. V. Tomas Bernhard: postizhenie [Thomas Bernhard: comprehension]. Bernhard T. *Vse vo mne...: Avtobiografiya* [Bernhard Th. Everything in me ...: Autobiography]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2006, pp. 558–574. (In Russ.)

Berkovskiy N. Ya. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. 568 p. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Suslova I. V. *Istoriya frantsuzskoy literatury: roman o romane na rubezhe 20–21 vekov: uchebnoe posobie* [The history of French literature: novel about a novel at the turn of the 20th and 21st centuries: a textbook]. Perm, Perm State University Press, 2011. 128 p. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Suslova I. V. *Roman o romane: Preodolenie krizisa zhanra (na materiale russkoy i frantsuzskoy literatur 20-kh godov 20 veka): monografiya* [Novel about a novel: Overcoming the crisis of the genre (a case study of Russian and French literature of the 20s of the 20th century): a monograph]. Perm, Perm State University Press, 2010. 148 p. (In Russ.)

Zatonskiy D. V. Tomas Bernkhard [Thomas Bernhard]. *Zatonskiy D. V. Avstriyskaya literatura v 20 stoletii* [Zatonskiy D. V. Austrian literature in the 20th century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985, pp. 369–401. (In Russ.)

Zuseva-Ozkan V. B. *Poetika metaromana: «Dar» V. Nabokova i «Fal'shivomonetchiki» A. Zhida v kontekste literaturnoy traditsii* [Poetics of the metanovel: 'The Gift' by V. Nabokov and 'Counterfeiters' by A. Gide in the context of the literary tradition]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2012. 232 p. (In Russ.)

Kotelevskaya V. V. *Tomas Bernkhard i modernistskiy metaroman* [Thomas Bernhard and the modernist metanovel]. Rostov-on-Don, Taganrog, Southern Federal University Press, 2018. 352 p. (In Russ.)

Larionov D. Knizhnaya polka Denisa Larionova: obzor [Denis Larionov's Bookshelf: overview]. *Novyy mir* [New World], 2018, issue 8. Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018-8/Content/Publication6_6990/Default.aspx (accessed 05.10.2018) (In Russ.)

Miroshnichenko O. S. *Poetika sovremennoy metaprozy (na materiale romanov Andreyta Bitova)*. Avtoreferat dis. kand. filol. nauk [Poetics of modern metaprose (a case study of Andrei Bitov's novels). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2001. 25 p. (In Russ.)

Novikova S. Yu. *Avtobiograficheskaya proza Tomasa Bernkharda: problematika i poetika*. Avtoreferat dis. kand. filol. nauk [Thomas Bernhard's autobiographical prose: problems and poetics. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2018. 24 p. (In Russ.)

Pavlova N. S. Real'nost' i zhanr u Bernkharda [Reality and genre by Bernhard]. Pavlova N. S. *Priroda real'nosti v avstriyskoy literature* [The nature of reality in Austrian literature]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, pp. 268–297. (In Russ.)

Skubaczewska-Pniewska A. «Kниги rozhdayut knigi». «V Ermitazh!» Mal'kol'ma Bredberi kak roman-matreshka [“Books give birth to books”. “To the Hermitage!” Malcolm Bradbury as a matryoshka novel]. *Dialog soglasiya: sb. nauch. st. k 70-letiyu V. I. Tyupy* [Dialogue of Agreement: a collection of scientific articles to the 70th anniversary of V. I. Tiupa]. Ed. by O. V. Fedunina, Yu. L. Troitskiy. Moscow, Intrada Publ., 2015, pp. 154–162. (In Russ.)

Tashkenov S. P. *Proza Tomasa Bernkharda: krizis yazyka i problema dialogicheskogo slova*. Avtoreferat dis. kand. filol. nauk [Thomas Bernhard's prose: crisis of the language and the problem of the dialogic word. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2009. 25 p. (In Russ.)

Schlegel F. Fragments [Fragments]. *Shlegel' F. Estetika, Filosofiya. Kritika: v 2 t.* [Schlegel F. Aesthetics, Philosophy. Criticism: in 2 vols.]. Preface, ed., transl. by Yu. N. Popova. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983, vol. 1, pp. 290–316. (In Russ.)

Bradbury M. *To the Hermitage*. Basingstoke and Oxford, Picador, 2001. XXXIII, 498 p. (In Eng.)

Kellman S. G. *The Self-Begetting Novel*. London, Basingstoke, The Macmillan Press Ltd, 1980. X, 161 p. (In Eng.)

POETICS AND POETOLOGY: 'THOMAS BERNHARD AND THE MODERNIST METANOVEL'

Nina S. Bochkareva

**Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. bochk@psu.ru

SPIN-code: 5691-5020

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

ResearcherID: P-2300-2016

Submitted 15.08.2018

The review of the monograph by V. V. Kotelevskaya *Thomas Bernhard and the Modernist Metanovel* (2018) raises theoretical problems of the relationship between poetics and poetology, metaization and metanovel, the discrepancy between genre terminology used by writers and that generally accepted in literary studies. The book by Kotelevskaya fits into the context of the Russian studies of metafiction (O. S. Miroshnichenko), metanovel (V. B. Zusev-Ozkan), and novel about a novel (I. Suslov), as well as T. Bernhard's prose studies by Russian Germanists (D. V. Zatonsky, N. S. Pavlova, A. V. Belobratov, S. P. Tashkenov, S. Yu. Novikova). The experimental structure of the scientific (poetological) treatise is compared with the experimental character of the object under study, i. e. Bernhard's metanovels, in which poetics is "replaced" by poetology. In particular, it is noted that the Kotelevskaya's monograph has also undergone "metaization", which in Bernhard's works is expressed in the reduction of mimesis in favor of creative self-reflection, and in the book by Kotelevskaya – in reduction of descriptive poetics in favor of theoretical reasoning and generalizations, literary-philosophical context, and intertext. The generalizing and particularizing parts of the work are interchanged, the boundaries between them are problematized. The logic of the object (Bernhard's work) description is externally broken, but in the internal logic of the monograph one can feel the movement from music (*Beton*, 1982) to architecture (*Correction*, 1975), from the content to the form, from the 'thought-theme' to its expression and back again. The focus of the researcher is on the early work *Amras* (1964), to which the author himself attached particular importance. In the monograph, analysis of this work takes up to fifty pages and connects the novel *Frost* (1963) with the last work *Extinction* (1986). The emphasis on the romantic tradition justifies the genre specificity of the 'novel' and 'fragment', as well as the use of the term 'novel' as applied to most works, although neither Bernhard himself nor his characters call their works this way.

Key words: poetics; poetology; metanovel; Austrian literature; Thomas Bernhard.